

ВАЛЕРИЙ РАЗГОНЯЕВ

СТИХИ

из книг:

Покидая урочища Чёрного дракона. Стихи, поэмы. – Благовещенск: ООО «Издательская компания «РИО», 2016. – 560 с.

Багрянорождённый трилистник: поэтический цикл. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – 372 с.

КРЫЛЬЯ

На кой сегодня быть поэтом?
С нагою музой лезть в кровать,
При всём при том, ещё при этом
За честь её переживать?
Чтоб всё отдать за озаренье
На склоне лет
И за одно стихотворенье –
Под пистолет?
Обкраденным и повреждённым
Средь стаи стать,
Зачем, двуногому рождённому,
Тебе летать?
.....
– Упрячешь рифмы за стеною,
Зажмешь во рту...
А с теми как, что за спиною
Растут?

НИКОГДА Я НЕ БЫЛ НА БОСФОРЕ

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём...
С. Есенин. «Персидские мотивы»

Никогда я не был в комсомоле,
Ты меня не спрашивай о нём,
В социалистическом размоле
Бывшего горчичным порошком.
Не ходил на БАМ со стройотрядом
Песни петь о партии в ночи.
В зэковском отряде, где-то рядом,
Выпекал на зоне кирпичи.
И когда от голода качало
В трюмах арестантских кораблей,
Из объятий смерти выручала
Светлая звезда моих полей.

Искра лучезарного светила
Над разливом мерзости вокруг
Голосом Всевышнего вестила:
– Скоро всё изменится, мой друг!
Помню двери камер на запоре
Южной ночью и полярным днём.
Я в глазах России видел горе,
Голубым кипящее огнём.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО ЮНОСТИ МОЕЙ

...Девушка темнее шоколада
Как-то мне с улыбкой подала
Грозди золотого винограда,
По которым ползала пчела...
Дворовая песня, родом из Ташкента

В год, когда окончил семилетку,
Сделать выбор наступил момент,
Живопись, ваяние и лепку
Постигать я полетел в Ташкент.
Мне сказали: – Мы дадим вам фору,
Ваша тяга к знаниям велика. –
И на отделение бутафоров
Приняли с досдачей языка.
Школа, институт – какая проза!
Пятилеток выполняя план,
С августа до первого мороза
Был на хлопке весь Узбекистан.
Тысячи рабов пчелиным роем
Не в киношных аховых ролях
Гнули спины под палящим зноем
На бескрайних хлопковых полях.
Фартуки нащипанного хлопка
Я таскал на взмыленном горбе,
Ведь не зря раскрытые коробки
На узбекском вытканы гербе.
От слепого пота «хорошея»,
Хлопчику батрачить повезло,
С лямками на поясе и шее
Да с дневною нормой – сто кило.
И бессрочно, с самого рассвета
До полночной палевой звезды,
Длилась ежедневно пытка эта,
Эти геркулесовы труды.
Мог едва парнишка виноватый
Доползти до нар по вечерам,
Недобрамши невесомой ваты
Несколько проклятых килограмм.
Пробивались звёзды из тумана
Пыли, поднятой колёсами машин...

Я тащил свой фартук до хирмана,
Где-то у подножия Чимгана,
У его заснеженных вершин.
Изнывал в пыли от солнца жара,
Ничего не видящий уже,
От лучей свирепого удара
Падал я на хлопковой меже.
Нахлебавшись байщинной рутины,
Проклиная просвещения свет,
Лишь во сне живописал картины.
Было мне тогда пятнадцать лет.
С первым снегом в розовых закатах
Завершался непосильный труд,
И плясали люди на канатах,
И ревели жерла медных труб.
На плакатах, с рожею счастливой,
Посылал упрёки мне в укор
Богатырь узбекского разлива,
Хлопкор**аб**, иначе – пахтакор.
Час за часом к лучшей жизни новой
Шёл вперёд советский наш народ,
И пока я постигал основы,
Хлопок повторялся каждый год.
Я уехал из Узбекистана,
Юность оставалась за спиной,
Жизнь иная предо мной предстала,
Развернулась худшей стороной.
С той поры немало мыкал горя,
«Метод перековки» постигал.
В кузницах с окалинами спорил,
В «гофманках» кирпичик обжигал.
Перенёс и травли, и угрозы
В социалистическом дерьме
И в бесптичьих лютых морозы
В зонах «загорал» на Колыме.
Только сволочная доля эта
Духа не сломила моего,
До сих пор не нахожу ответа,
Что ж на свете тяжелей всего?
А, казалось, в юности, когда-то,
У меня готовый был ответ:
Тяжелее хлопка – белой ваты,
Ничего на белом свете нет!

РЕСТОРАН «АМУР»

Чертит надписи вечер летний
По рекламной цветной канве,
Катит новое тысячелетье
На «Тойотах» и БМВ.
Всё успело перемениться,

Пьяный нищий бранится вслед,
И лежит на знакомых лицах
Отпечаток тягчайших лет.
Вдалеке от столиц Европы
Здесь я рос – амурский ротан,
Был здесь первый любовный опыт,
А «Амур» – был такой ресторан.
На участке нейтральной зоны
В нём сходились на мировой
Заголяевские бароны
С забурхановскою братвой,
За бутылочкой бормотухи
Обнимались там, как друзья,
С Горбылёвки блатные шлюхи
И кукуевские князья.
Что за дело до них мне было?
Было, не было – всё равно
Разгонявшему кровь по жилам
Молодым игристым вином.
Одурев от совков извечных,
Я входил в полутёмный зал,
На столах зажигались свечи,
И оркестр «Караван» играл.
Вдалеке от амурской вьюги
Я хотел этот край забыть.
На узбекском горячем юге
Не нашлось для меня судьбы...
Сколько зим в этом мире пошло!
Я от козней его устал,
Где-то там, в отдалённом прошлом,
Тот Амур и Узбекистан.
Поздно, доктор, лечить не стану,
В старом сердце давно сто ран,
Вот назвали «Узбекистаном»
Знаменитый наш ресторан.
Пусть зовут его хоть «Чечнёю»,
Ну куда бы деться от дур?
Будет он навсегда со мною,
Память юности – мой «Амур»!

ТЕЛЕПУЗИКИ

Носятся бесы над Родиной милой,
Души скупает нечистая сила.
Всё продаётся, всё мерзко, постыло,
Вздёрнуть мерзавца – верёвка прогнила!
Я телеящик включаю спросонок,
Из телеящика, глядь,
Льют непристойности полуребёнок
И престарелая б...дь!
Плюнуть на всё ради личной наживы

Снова зовёт «либерал»,
Речи мутны, обещания лживы,
Чёрт бы их свору побрал!
Круглые сутки внушая народу
Массу бредовых идей,
Между рекламой тасуют колоду
Гнусных и злых нелюдей.
Вслед, нечувствительный к перенагрузкам,
С виду приличный порой,
Суперуспешно стреляет по русским
Штатовский киногерой.
Патриотизм здесь уместен едва ли,
Гордость и честь не видны,
Словно достоинства нет и морали
У «побеждённой» страны...
Ждёт от людей и от Бога «награда»
С правдой ведущих войну,
Их, превративших в преддверие ада
Мирную нашу страну.

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Прошёл бредовый, сложный век,
Как сон психически больного.
Ужели он коснётся снова
Моей земли усталых век?
Сколь тысяч жизней унесёт
Чертовских игр головоломка,
Пока случайная поломка
Не остановит колесо?
Иль сотню лет всё так же вот
Над полем будет ворон каркать,
Да раб голодный кровью харкать
Не зная, для чего живёт?
Когда Господь нам явит знак,
Что он устал от этой дряни?
Когда он без улыбки глянет
На этот форменный бардак?

ГЕРБОВЫЙ ФЛАГ

Где ты, Русь, мой забытый дом,
Мой цветок в океане ржи?
Светлоликое на золотом,
Где найти мне тебя, скажи?
Златоглавый твой белый храм
Всё зовет меня в кутерьме.
Я устал по чужим мирам,
Как безумец, бродить во тьме!
В заповедной тиши озёр

Ты плывёшь, словно белый гусь,
Только с неба охватит взор
Твой простор, золотая Русь.
Там осенний убор берёз
Ниспадает на скорбный крест,
Как каскад золотых волос
На венчальный наряд невест.
За окном, где снимает фрак
Ночь, до солнца за полчаса, –
Злато-белый гербовый флаг,
Сверху – чёрная полоса.

ПОДСНЕЖНИК

Когда не весь потаял снег,
Когда земля едва дымитя,
А утром иней серебрится
По берегам безлёдных рек,
Смешной подснежник на бугре
Являет искреннюю нежность
И, отвергая безнадежность,
Дарует радость на заре.
Порой, когда любовь предаст
И боль утраты подкосила,
Весны целительная сила
Грядой подснежников воздаст.
Приду к оставшимся ещё
Последним проявлениям чуда,
Неубываемым, покуда
Душа волнуется и жжёт.
Когда ломалась жизнь сама,
Мне, одиночеством больному,
Всё обернулось по-иному,
Господь не дал сойти с ума.
Явилась ласковая песнь,
Круша границы отречения,
И заново пришло влечение
Любить, надеяться и цвести.

АМУРСКАЯ ВЕСНА

Утро. С ветвей тополиных –
Щебет весны за окном,
На тротуарах, политых
Яхонтовым дождём.
Грёзами девочки Грина,
Верящей в чудеса,
В лужицах проплывают
Алые паруса.
Это Амур, играя

Зеркалом вод слегка,
Зайчиков запускает
В рваные облака.

ДЕРЖАВА

Та, что в руках держала
Судьбы материка, –
Светлых надежд держава
Продана с молотка.
Мчалась вперёд, сгорая,
С верой в пустые сны.
Русь, без конца и края,
Ввергнута в пасть сатаны.
Дети разгульной смуты
Бедной моей земли,
Крепче вяжите пути,
Кажется, к нам пришли.
Время стучит, ребята!
К выходу, за порог!
Ждёт там за нас распятый
Любящий, честный Бог.

ВАЛЬС «ТОСКА ПО РОДИНЕ»

В одном из арбатских переулков Харбина установлена скульптура извозчика. Китайские ребята-тишки, которым всё дозволено, взбираются в его пролётку и на спину бронзового коня.

Поднебесная заграница,
Дом на Ротной, где дед мой рос...
Мне всё время Россия снится,
Дивный край золотых берёз.
Огнеглазой ночной порою
Суетливый Харбин не спит.
На секунду глаза закрою –
Слышу цокот литых копыт.
Ноги сами несут к стоянке
За заветный тот поворот,
Где на бронзовой «американке»
Терпеливый извозчик ждёт.
Хлебный квас да с дороги банька,
Оглянусь и скажу: «Пока!»
Увези меня, вечный Ванька,
Отшлифованные бока!
Он утешит меня по-братски,
И за полчаса до зари
Мы прокатимся по Арбатской
К старой пристани Сунгари.

Где ты, Родина, мать родная?
Хоть ханжа, хоть ямайский ром –
Всё равно, я ведь точно знаю,
Что не ходит туда паром.
В первый снег этот сгусток плоти
Поручу ледяной волне...
Отнесёт мой застывший плотик
К позабывшей меня стране.

НА ПОСОШОК

Памяти Игоря Еремина

С нахальной Чёрной женщиной в обнимку,
Что часто посещает наш кружок,
Сверкнув улыбкой памятного снимку,
Пол-литра осушив на посошок,
В один конец, без членского билета,
Седой незамерзающей рекой
Отчаливают русские поэты
На барке под названием «Покой».
На острова в незримом океане,
К неведомой, заоблачной земле,
Где Гумилёв восходит к Донне Анне,
Где звон гитар и свечи на столе.
Под вечных лавров трепетные сени,
Где числами не мечены года,
Где по дорожкам Пушкин и Есенин
Гуляют, удаляясь в никуда.
Уходит несговорчивое племя
Из жизни, как из плена, напролом.
Не осквернит их памятники время,
Подонки не сдадут в металлолом.
Пылает неоконченная повесть,
Поэты растворяются вдали.
Уходят вслед за ними честь и совесть
С Российской безалаберной земли.
Не выкурят последней сигареты,
Не обернутся, не взмахнут рукой.
Из чёрных рамок смотрят их портреты,
Склонив чело над прерванной строкой.

АМУРСКАЯ ОСЕНЬ

День ото дня ночи длинней.
Крик журавлиных стай.
Там, за рекой, в море огней
Дремлет страна Китай.
Гребень волны луч серебрит,
Сонно журчит вода,

И в глубине неба парит
Жизни моей звезда.
Как хорошо в нашей дали,
Наедине с рекой,
Берег родной горькой земли
Гладить своей рукой.
Русский напев здесь не забыт
Будет звенеть века,
Горечь утрат, слёзы обид
Смоет Амур-река.

КОГДА БЕЛАЯ ЧЕРЁМУХА ОТВЦВЕЛА НА ЧЁРНОЙ РЕКЕ

...И, как в юности, вдруг
Вы уроните пух
На ресницы и плечи подруг.
«Тополя», песня

В городке Благовещенске,
на порубежье заката,
Старый дом над рекой
утопает в пуху тополей,
Где Надежда и Вера
Любви дожидались когда-то
И какой-то нелепый художник
бродил по асфальту аллей.
В старину казаки
здесь с врагами сражались жестоко,
Воды Чёрной реки
поднимали крутую волну,
Здесь Держава Заката
учила Державу Востока
В звёздный космос стремиться
и делать великой страну.
На реке порубежной
излучины да перекаты
С той поры замутились,
к чему же нам правду скрывать?
Словно снег по весне,
испарилась Держава Заката,
Умудрилась победу
сама у себя своровать.
Поднялись за Амуром
драконы Державы Востока,
Улыбаются солнцу
и тянутся к свету ростки.
Цвет черёмух усыпал
прибрежный песок от истока,
По заставам и сёлам,
до самого устья реки.
Тридцать лет на поминках Заката

с успехом и славой...
Сорняки торжествуют
на землях убитых полей.
Вдалеке от столицы,
пресыщенной той златоглавой,
Под слепящей метелью
роняющих пух тополей.
Тридцать лет этой тризне,
и люди смертельно устали,
На экранах и улицах –
выстрелы, трупы и кровь.
Из тайги поредевшей,
от сопок, поросших кустами,
Надвигаются грозы
на наш покосившийся кров.

БЕЛЫЕ РУБАШКИ

...Положите меня в русской рубашке
Под иконами помирать...
С. Есенин

Ни лезвием и ни осколком
Не стану я резать по жилам,
И столько отмучаюсь, сколько
Провидица наворожила.
А ежели волею рока
Однажды, ни свет ни заря,
Я с миром расстанусь до срока,
Так было б за что и не зря.
Бывает, за дело святое
Востребует Господа глас,
В России разрух и застоев
Такое творилось не раз.
Сдвигает обида немая
Завесу трагических лет,
Спецкоры на фронте снимают
Витки боевых кинолент.
Вновь, в саваны вьюги одеты,
Идут на вражину в штыки
Отцы наши, братья и деды –
Амурцы и сибиряки.
Нацедит мне ротный рюмашку,
Хоть знает – давно я не пью,
Честь чину отдам на отмашку
И выпью за гибель свою.
Стрелять, не гадать на ромашке,
С колен поднимусь от икон,
Уйду в белоснежной рубашке,
Как то повелось испокон.
Есть время для чести и долга.

Настанет – проймёт до души.
Не стоит раздумывать долго,
Бей гада, рази и души!
Честь выпадет в рубище белом
Полечь за своих, за страну –
Бог примет! Не словом, а делом
Он Сам одолел сатану.

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОЙ БЕРЕЗКЕ

Над Канадой – небо сине,
Меж берёз – дожди косые,
Хоть похоже на Россию,
Только всё же – не Россия!
А. Городницкий

По сопкам и равнинам над Амуром
Всё лиственницы, ели да дубняк.
У старых поселений нынче редко
Вздыхают рощицы с серёжками на ветках
О той эпохе, где жила страна
С ансамблем, магазинами «Берёзка»,
С есенинской берёзовой тоской,
Невестушкой шукшинского скитальца
Над глинозёма вспаханной полоской.
Я ехал по дороге на Свободный.
Там есть один опасный перевал.
За виражом по склонам перевала
С корнями вырвана, вповалку и торчком,
Пред мной лежала роща золотая,
Как павшая на поле грозной сечи.
Казалось, что огромный великан
Здесь буйствовал в неистовстве безумном, –
Всё разметал могучий ураган...
Прошло немного времени, и вот
На этот раз у хилой деревеньки,
Затянутая белой паутиной,
Берёзовая погибала роща.
Висели гусеницы на ветвях зелёных,
Листву деревьев с хрустом поглощая.
Так мотылёк залётный из Китая
Пейзаж куинджевский с лица Земли стирал.
Я с банщиком – давнишним другом Ванькой
В по-белому протопленную баньку,
Да с веничком берёзовым, ввалюсь.
Из трав на каменку плесну отваром,
Духмяным и целебным лёгким паром
По разомлевшим косточкам пройдусь.
А на экране памяти так ярко
Вновь видится: с улыбчивой дояркой,
Под действием шабашного сиротства

И славного свекольного продукта –
Той местности хмельного производства, –
Я отдыхал с весельем и приятцей
В конце семидесятых, может статья.
Природой наслаждался, скажем проще –
Берёзовой задумчивою рощей
Под сенью тихо опадавших листьев,
С бычачьей любознательною мордой,
Глазеющей нахально из кустов...

АМУРСКИЕ ДОЖДИ

Ну почему теперь дожди
Идут короткие, другие...
По тем, далёким, ностальгия,
Что где-то в прошлом, позади.
И ноет сладостно в груди,
Когда приснятся в светлых струях
Твои глаза и поцелуи...
Над Благовещенском – дожди.
Распущена твоя коса,
Благоухают георгины,
Ещё объятия невинны
И не охрипли голоса.
В саду, в крыжовнике густом,
Скворец зовёт свою подружку,
И вышивает на подушку
Накидку матушка «крестом».
Прямые вдоль и поперёк,
Блистают лужами дороги,
Ещё любимые не строги,
И в письмах ласковый упрёк.
Мой Бог, в те годы уведи!
Там месяцами, с перекурком,
Под пляски молний над Амуром
Идут клубничные дожди.
Из-под земли растут грибы,
Котейко ёжится под ёлкой,
Шуршит пластинка под иголкой,
И до вокзала путь недолгий –
Всего лишь полчаса ходьбы!

ПАРОМ

Дождь цедит влагу зыбкую
На мой раскрытый зонт,
Сегодня я с улыбкою
Гляжу за горизонт,
Где птиц влюблённых пение
В прибрежном камыше

Дарует исцеление
Мятущейся душе.
Там за годáми-гóрами
Кружит среди жнивья
Амурскими просторами
Шальная жизнь моя.
За Зеей небо звёздное,
Раздольное жнивьё.
И всё вокруг колхозное,
И всё вокруг моё!
Ни роскоши, ни голода,
Жизнь ладна и проста,
Покуда нет у города
Шоссейного моста.
Не заняты работами
С зерном грузовики,
И ржут над анекдотами
Хмельные мужики.
Глаза старух приветливы,
Исполнены добром.
Над водами над светлыми
Буксир влечёт парóm.
Весёлая посудина
С дымящейся трубой,
Вези меня из Худина,
Вези меня домой!
Из детства благодатного,
Из юности лихой
До города закатного
Блистающей рекой.
Вот-вот исчезнет трещинка
Меж мной и бездной лет,
Былого Благовещенска
Всё чётче силуэт.
Буксир гудит неистово
И глас его высок,
По сходням старой пристани
Я выйду на песок...
От мельницы закружится
Автобус по кольцу,
По вечным тёплым лужицам
К родимому крыльцу.

БЕЛЫЙ ОДУВАНЧИК

...Одуванчик бесполезный,
Факел нежной красоты,
Хохот дьявола над бездной
Надоел до тошноты!
Саша Чёрный

Остроглазый одуванчик,
Белым соком налитой,
Двоцветный оборванчик
Белогриво-золотой.
Бадминтоновый воланчик –
Златокудрый первоцвет,
Лучик света – одуванчик,
Только был и сразу нет.
Молодой предвестник лета,
Дни расцвета коротки,
Ручки детские за это
Заплетут тебя в венки.
Вкруг веснушчатой головки
Желто-звёздно вспыхнешь ты
Диадемой на «тусовке»
Королевы красоты.
Белый зайчик, луга житель,
Одуваться не спеши,
Пчёл и бабочек кружитель,
Ты – отрада для души.
Одуванчик переспелый
На припёке подберу,
С головой пушисто-белой
Он качался на ветру.
Одуванчик – мальчик смелый,
Космонавтом стать хотел,
Час пришёл, он пенкой белой
Над планетой полетел.
Всё пройдёт, моя подруга,
Уберут с полей стога,
А затем накроет вьюга
Одуванчиков луга.
В дни ветров и вихрей снежных
Приходи в мой старый дом,
Угощу тебя из нежных
Одуванчиков вином.
Сей рецепт мне по секрету
Передал знакомый гном.
Погрустим с тобой по лету
В пору снега за окном.

СКЕРЦО

Безудержное сердце,
Буди меня в ночи,
Пусть нежной флейты скерцо
В душе моей звучит.
Медлителен и важен
Я стал на склоне лет,
Уже обезображен
Годами мой портрет,

Но радостна дорога
Моя в краю родном.
Сегодня я у Бога
Прошу лишь об одном:
Чтоб флейты нежной звуки,
Которыми согрет,
Воспринимали внуки,
Ближайших сотню лет.

БОГОЯВЛЕНИЕ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

Давненько такого мороза
Суровый наш край не видал.
В сугробах вязнут колёса,
Меняет свойства металл.
Белы и румяны лица.
Традициям русским дань —
На Зее, во льду, творится
Крещенская иордань.
Служенье поставив на кон,
Смиранный в миру досель,
Перекрестился дьякон
И первым нырнул в купель,
А следом — народ в исподнем,
Младых и преклонных лет,
И все будто вновь сегодня
Родились на белый свет!
С дубеющими носами
Людей не берёт мороз.
Стоящих в толпе часами
Терпенью учил Христос.
Принять очищение чудом
И в жизни, подчас пустой,
Себя ощутить сосудом
С волшебной живой водой,
Увидеть свою дорогу,
Пройди подвесным мостом
Над бездной страданий к Богу,
Чело осенив перстом.
В соборе и в той церквушке —
От выселок за версту —
Всевышний вернёт старушке
Увядшую красоту.
И снежную шаль с колючек
Стряхнёт вековая ель,
И светлого солнца лучик
Проникнет в любую щель.
В тюремном застенке узком,
Юдоли убийств и краж,
Лучу улыбнётся узник
И узника зоркий страж.

Сегодня – Богоявление,
И в день этот, как всегда,
Энергию обновленья
Святая несёт вода.

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи –
Счастливые друзья...
С. Михалков. Песенка друзей

Эх, знать бы язык зверушек,
Как знаю язык людей,
Писал бы стихи для хрюшек,
Собачек и лошадей!
Улыбкой своей неловкой
Кривил бы щербатый рот
И с рыжей кумой-плутовкой
В лесу танцевал фокстрот.
Слагал бы кошачьи песни
На крыше, в саду у вас
И с Жужей на Красной Пресне
Играл бы собачий вальс.
Я оды писал бы ракам,
Я б рыбам баллады пел,
Порой посвящал собакам
Ярчайшие из новелл.
Свистал бы для птичек трели,
Мурлыкал бы для котят,
Мы вместе бы песни пели,
Когда они петь захотят.
Вам друг и жена изменят,
И в дом ваш придёт беда,
А звери доверье ценят
И будут верны всегда.
Я б смог со зверьём поладить,
Носиться в сухой листве,
Им стансы читать и гладить
Ушастых по голове.
В пространстве, открытом чуду,
Есть место простым словам
К еноту, ежу, верблюду,
К жирафам, слонам и львам.
Существ полон мир обширный,
Я б в их рассуждения вник,
А люди не могут мирный
Найти меж собой язык!

ТРИ КОЛЕРА – ТРИ ДОРОГИ

На наших знаменах три цвета,
Но в ратных походах страна
Приверженность к красному цвету
Хранила во все времена.
И следуя Божьим заветам,
Рождаясь в огне и в крови,
Неласковым солнцем согрета,
Мечтала пожить по любви.
От синих морей, от Урала,
От белых сибирских снегов
На грозные битвы вставала
И была жестоких врагов.
Лавины монголов, варягов
Громила в лихие лета
Под алыми крыльями стягов
Во славу Иисуса Христа.
Куда привела нас дорога,
В какие уделы лежит?
Три цвета – не так уж и много,
Чтоб в этой галактике жить!
К чертогам какого же Бога
Вдоль синей глубокой реки
Бежит в поднебесье дорога?
Синеют вокруг васильки.
Багрянцем зарниц напрягая
Средь маковых алых полей,
Левее отводит другая,
Мы долго кружили по ней...
Есть третья в садах незнакомых,
По виду она веселей,
Под сенью весенних черемух
Вдоль северных белых полей.
Двуглавая русская птица,
Имперская грозная статья,
Куда твой воитель помчится
Лихую судьбину пытаться?
Чтоб небо казалось сквозь чащи
Безоблачней и голубей,
Из прошлого шлите почаще
Почтовых бойцу голубей!
И посланный верной подругой
Любви и надежд голубок
Свернется под рваной кольчугой
У сердца в горячий клубок.
А ежели жизни не хватит
Да счастье искать надоест,
Пернатый посланец присядет
Под наспех сколоченный крест.
Одежда жрецов велика мне,
Что будет? Судить не берусь!

Вот вновь к придорожному камню
Предстала за выбором Русь.
И ведает только Всевышний
В грядущем, сквозь тысячу лет,
Какой же из колеров лишней,
Какой предпочтёт она цвет?

ГОЛУБИКА

Лето – открытий миги,
Сводит с ума жара,
Ягоды-голубики
Снова пришла пора.
С синими языками
Поиском увлечены,
По полю косяками
Носятся пацаны.
Хвостик, как нитка тонкий
И голубой налет,
Тает во рту ребёнка
Сладкий, с кислинкой плод.
Вот на ладошке – с горкой,
Радости полон рот!
Кто поскорей ведерко
Полное соберёт?
Рясная падь пропала,
Дальше – тенистый лес!
В сопках, в лесу немало
Всяческих там чудес.
Всюду щебечут птички,
Мчатся бурундуки,
Рыженькие лисички
Прячутся под пеньки.
В травах снуют отважно
Бабочки и жуки,
Там мы ежа однажды
Встретили у реки.
Кто-то, слыхали сами,
Уханьем нас пугал,
Даже фазан с птенцами
Тропку перебежал.
Если бы было средство,
Если б не был старик,
Я бы вернулся в детство,
Всем показал язык!

В ПЛАЩЕ С КРОВАВЫМ ПОДБОЕМ

... В крытую колоннаду между двумя крыльями
дворца Ирода Великого вышел прокуратор Понтий Пилат.
Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Пришла пора культуре умереть,
Зачем она в безумном этом мире?
И мы стоим, расставив ноги шире,
От нас уже едва осталась треть.
По всей земле свинцовые дожди,
Крепчает ураган. Держись, Россия!
У стенки мы, раздетые, босые,
Мы видим век, что будет впереди.
Средь нас давно предателей полно,
Блестят ножи и взгляды их косые,
Чтоб ночью перерезать наши выи
И утопить в потоках грязи, но,
Мы всё ж на полусогнутых стоим,
Всю боль страны взвалив себе на плечи.
Смирясь с предназначением своим,
Мы в пустоту бросаем наши речи.
Всё тот же свой бессмысленный вопрос
Нам задаёт сатрап в хитоне новом.
Уставший от бездушия Христос
Один из нас, в венце своём терновом.

ЧЕРТА

Слава Богу, что всё же выжил,
Необъятный мир не угас.
Словно из лабиринта вышел
И пока живу среди вас.
Вы простите, что заикаюсь,
Не всегда попадаю в такт,
Просто речь у меня такая,
Это жизнь пошутила так.
Вы поверьте, я был неглупый,
Знал работу, пожить умел,
Целовал наливные губы
И прекрасные песни пел.
Был отец мой прямой и смелый,
Дал мне знаний и силы дал.
Сколько раз из лихих переделок
Батин мудрый совет выручал.
Рано вызнал я цену хлеба,
Цену жизни, клятвам и снам
Да клочку голубого неба
За стальной решёткой окна.
Жгу костёр свой в конце дороги,
У подножья крутой горы,

И всему подвожу итоги...
И костёр вот-вот догорит.
Где ты, юность – улыбка милой?
Подожди, оглянись назад!
Жизнь смущённо проходит мимо
И не смотрит в мои глаза.
Вот и солнце вошло по пояс
В летней ночи чистый ручей.
Видно, скоро я успокоюсь
В колыбели глухих ночей.
Зря скитался по белу свету,
Словно книгу, листал года.
Я осилил дорогу эту,
Не ведущую никуда.

ОТЛОЖЕННОЕ ПРОЩЕНИЕ, ИЛИ ДОПУСТИМАЯ ПОГРЕШНОСТЬ

В срок, когда мелеют реки
Перед длительной зимой,
Попрощаемся навеки,
Белокрылый ангел мой.
Напоследок отпируем
Без поспешной суеты.
Опечатай поцелуем
Неподвижные черты.
Отмету без покаянья
Мир навязчивых идей,
Опостылого кривлянья
Обезумевших людей.
Обменяю суетливость
На незнамый мир иной,
И Господня справедливость
Сотворится надо мной.
В этой жизни был я странник,
С псом бесхозным чем-то схож.
Говорят, там есть предбанник,
Лезь и парься сколько хошь!
Чтоб пред тем, как тьма разверзлась,
Обтекла с меня вода,
Смыла всю земную мерзость
И забыла навсегда.
По местам, не столь занятым,
Буду лаврами хлестать,
Чтоб пред Господом опрятным
И пропаренным предстать.
Скажет Бог: «Была погрешность
В нём до Страшного суда,
А отмылил эту внешность –
Снова парень хоть куда!
В пекле мерзостно и жарко,

Там безжалостны к гостям,
Нам такого даже жалко
Отсылать ко всем чертям!
Если гнать его из рая,
Мы, пожалуй, поспешим.
Пусть дорожки протирает,
После что-нибудь решим».

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ, РОССИЯ!

Россия, раненая птица,
В молитвах, в вещи ворожбе
К кому ещё мне обратиться?
Лишь к улетающей тебе.
С кем завтра я молиться стану,
С кем на закате, как вчера,
«Столичной» хряпнем по стакану?..
Не покидай меня, Сестра!
Кому свою оставлю силу,
Внучат, придушенных врагов,
Кто на забытую могилу
Мне бросит пригоршню жарков?
По бесконечному болоту
В туманах бродят огоньки,
Открыли на тебя охоту
Рублёвские особняки.
Не покидай меня, Россия –
«Страна господ», небес из-под.
Шумите, кроны золотые,
Живи, храни тебя Господь!